

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 1995 И. В. Пьянков

<http://www.fergananews.com/ancient/vostok.html>

Далекое прошлое Средней Азии - с того момента, когда оно начинает освещаться письменной историей, - связано преимущественно с ираноязычными народами. Тюркский этнический элемент, преобладающий ныне в Средней Азии, тоже имеет долгую историю, но ранние этапы его этногенеза, как это общепризнанно, протекали вне Средней Азии. Алтайские племена впервые явно появляются в Средней Азии в лице хуннов, хотя не исключено их появление и в более ранние времена. Бесспорно, что население древней Средней Азии в основном было ираноязычным. Народом же, который вобрал в себя все более ранние ираноязычные пласты, являются таджики. Поэтому процесс сложения таджикского народа можно в известной мере отождествить с общим ходом этнической истории древней Средней Азии. Попробуем проследить основные вехи указанного процесса. Пойдем ретроспективным путем, т.е. от позднего к раннему, в направлении обратном ходу времени, как бы спускаясь по ступеням истории все глубже и глубже в толщу времен. Путеводной нитью нам будет служить язык. Конечно, язык - не единственный и, может быть, даже не самый важный из признаков, характеризующих этническую общность, но он наиболее удобен для историка в силу расплывчатости и неопределенности большинства других признаков.

Таджикский язык в современных научных классификациях относят к юго-западной группе иранских языков. Древнейшие памятники на языке данной группы были созданы персами во времена Ахеменидов еще в VI - IV вв. до н. э. Уже в языке этих памятников прослеживаются некоторые характерные "юго-западные" черты, свойственные и более поздним языкам этой же группы, в том числе таджикскому. Поэтому историю таджикского языка можно начинать с таких знаменитых памятников, как Бехистунская надпись.

Но коренным местом обитания древних персов был юго-запад Иранского нагорья, где находилась страна Парса (по-гречески - Персида, позднее - Фарс). Лишь много позднее, в период Сасанидов, в III - VII вв., персидский язык стал проникать на север и восток, первоначально - в города. Этому способствовали и политическая экспансия Сасанидов, и торговые связи, и распространение религий - ортодоксального зороастризма и манихейства. Считается, что в V - VI вв. персидский вытеснил местные наречия в городских центрах Западного Хорасана; видимо, в это же время персидский распространялся и в городах Восточного Хорасана, особенно в Балхе, т. е. в центре территории формирования таджикского этноса. Сходные процессы шли и на юге, в Сеистане, где связи с Сасанидами были еще более тесными. Особенно интенсивно персидский язык стал распространяться на востоке после арабского завоевания и утверждения ислама, в VII - VIII вв. Это обстоятельство отмечается всеми исследователями. Однако в вопросе о том, как происходило распространение языка, остается много неясного. Некоторые ученые, в том числе Б. Г. Гафуров, большое значение в этом процессе придают персоязычным подданным арабов, так называемым мавали. Во всяком случае, в VIII в. в Балхе говорили на персидском, и это обстоятельство дало возможность Табари привести первый образец речи на фарси того времени, обычно цитируемый во всех очерках истории таджикского языка. Другие авторы того же времени и последующих веков говорят даже об особом "языке Балха", подразумевая, видимо, местный диалект фарси (дари). Тогда же и позднее персидский язык распространялся в Мавераннахре. В дальнейшем на этой основе сформировался в IX - X вв. общий для всех таджиков язык. Конечно, было бы большим упрощением просто сказать, что таджикский язык (фарси) пришел из Фарса: ведь фарси на территории Хорасана интенсивно обогащался заимствованиями из вытесняемых им местных, более древних, языков. Там же, в Хорасане, стал складываться литературный фарси (дари). Но остается фактом, что в древности на территории, где позднее формировался таджикский народ, персидский язык не был языком местного

населения, что истоки истории этого языка берут начало за пределами указанной территории. Значит ли это, что и сами таджики пришли откуда-то со стороны? Конечно, нет! Язык - лишь один из элементов этноса, и руководствоваться в поисках предков только языковым признаком, разумеется, нельзя. Где же, в каком древнем народе искать непосредственных предков таджиков на территории их формирования? На основной части территории формирования таджикского народа в период, непосредственно предшествующий собственной таджикской истории, а частично и совпадающий с ее началом, известны иранские языки, родственные таджикскому, но представляющие другую линию развития, так что ни из них фарси не мог возникнуть, ни они сами не могли произойти из персидского. Это - иранские языки восточной группы. Одним из таких восточноиранских языков является язык древнего народа согдийцев, когда-то широко распространенный в Согде, т. е. в долине Зеравшана и Кашкадарьи. В течение веков он постепенно вытеснялся таджикским и к нашим дням сохранился лишь в Ягнобе. Другой восточноиранский язык был распространен к югу от согдийского. Отличительной его чертой является то, что памятники его выполнены письмом греческого происхождения. Некоторыми своими чертами он особенно напоминает современный мунджанский и афганский (пашто). Основной его территорией был Тохаристан, т.е. область верхнего течения Амударьи и ее притоков, к югу и к северу от реки; известно, что на этом языке говорили в Чаганиане. Правда, отдельные надписи на том же языке находят и за пределами Тохаристана, например в районе Газни, в районе Кандагара и т. д. Датируются памятники этого языка II - IX вв. Установлено, что китайские и арабоязычные авторы первых веков ислама именно этот язык называли тохарским. Исторически такое название вполне оправданно, так как самые ранние памятники этого языка появляются именно при первых царях тохаров (народа, который китайцы называли юэцжи) из династии Кушанов - Вима Кадфизе и Канишке (I - II вв.). Применение этого названия в науке, однако, затруднено тем обстоятельством, что оно уже закрепилось совсем за другим языком, некогда бытовавшим в Восточном Туркестане. Позднее, с IV в., современники применяли то же название и к языку эфталитов, которые в массе своей были одноязычны с тохарами. Впоследствии этот язык дольше всего сохранялся в географически обособленных местностях. Так, в Хуттале, где эфталиты долго удерживали свою самобытность и где был в употреблении тохарский язык (не путать с "тохарским" языком Восточного Туркестана!), скорее всего, именно этот язык и греческую письменность использовали для создания книг еще "в начале ислама". Один из диалектов тохарского долго сохранялся в Бадахшане (я имею в виду область Верхней Кокчи и ее притоков), в одной из долин которой), в Мунджане, он дожил до наших дней. Другой диалект долгое время жил в Вазиристане, в верховьях Куррама и Гумалья, откуда идут первые известия об афганцах. Видимо, не случайно, что одна из самых поздних надписей тохарским письмом (IX в.) обнаружена в долине Точи в Вазиристане: она не древнее самых ранних упоминаний об афганцах, - упоминаний, относящихся примерно к этим же местам. Данное обстоятельство подтверждает предположение об особой роли эфталитов в этногенезе паштунов.

Если учесть все, что известно о среднеазиатских тохарах и их языке, то можно прийти к выводу, что вряд ли они годятся на роль основных предков таджикского народа. Разумеется, речь идет о собственно тохарах и эфталитах - кочевниках, основавших огромные империи, в состав которых входило и земледельческое население оазисов, с течением времени также ставшее называться тохарами и эфталитами. Кочевые скифские племена тохаров и гуннские племена эфталитов, пришедшие из степных просторов Центральной Азии, в местах своего последующего расселения в Средней Азии и Восточном Иране или образовывали военную и правящую элиту коренного земледельческого населения, или продолжали жить - там, где позволяли природные условия, - прежним кочевым бытом. Только они и могли принести с собой восточноиранский (т.е. скифский) язык тохарских надписей. Позднее в таких же условиях оказывались приходившие в эти места кочевые тюркские племена, игравшие решающую роль в распространении тюркских языков. В тохарах и

эфталитах, очевидно, следует видеть прямых предков паштунов и родственных им этнических образований.

Тохары не были ни единственными, ни первыми восточноиранскими пришельцами на территории формирования таджикского народа. Задолго до прихода тохаров вокруг земледельческих оазисов и в восточной, горной, части Средней Азии обитали различные племена кочевого народа саков. Среднеазиатские саки не оставили после себя письменных памятников, но, судя по сохранившимся именам и древним названиям мест, в которых они некогда обитали, этот народ относился к числу восточноиранских. Потомки саков, как и согдийцев, постепенно, в течение веков, переходили на таджикский язык и лишь на Памире - в Шугнанае и Рушанае, Ваханае, Сарыколе и ряде других мест - сохранили свою древнюю речь. Еще в прошлом веке на таком же древнем, восточноиранском наречии говорили в Вандже, а еще раньше - в Дарвазе.

Часть сакских племен под давлением тохаров (юэчжи) ушла во II - I вв. до н.э. из степей и гор Центральной Азии в Северо-Западную Индию и оттуда стала заселять южную часть интересующей нас территории, которая стала называться Сакастаном, а позднее - Сеистаном. И язык их, судя по его скудным остаткам, обладал теми же чертами, которые объединяли язык тохарских надписей с пашто и мунджанским. Почва, в которой нужно искать корни таджикского этногенеза, была иной, не скифской. Таковой являлась, несомненно, этническая среда древнего населения земледельческих оазисов. Эта среда характеризовалась вполне выраженным этническим единством на протяжении почти всего I тыс. до н. э., по крайней мере до массовых вторжений тохаров, саков и других кочевых скифских племен в последних веках этого тысячелетия. Единство это отражается в общих названиях, которые даются в источниках того времени странам древней земледельческой культуры на будущей таджикской территории: "Ариана" (причем подчеркивается, что название это объединяет причисляемые к ней страны именно в силу их племенного единства), "страны арьев", "обиталище арьев", "страны, созданные Ахурамаздой". Сведения об этих странах можно найти и в античных (греческих и латинских) источниках, и в Авесте - священной книге зороастрийцев, отчего их население ученые условно называют еще и авестийскими арьями. То же единство отражено в общности материальной культуры на соответствующей территории в комплексах типа Яз (всех трех его стадий, генетически связанных между собой), объединенных исследователями в ряд археологических культур, более древние из которых именуются культурой (или культурами) поздней расписной керамики, а поздние - культурой баночной, или цилиндрикоконической, керамики.

Народ Арианы обладал целым рядом специфических черт духовной культуры, объединявших его в нечто целое и отличавших его от соседей. У него был свой вариант общеиндоиранской этногенетической легенды, что очень важно, так как представления народа о своем происхождении являются существенным элементом этнического самосознания. У него были культы своих божеств и своя религиозная обрядность, которые, по крайней мере сначала, отличали его от соседей. Очень специфичными являются такие черты его культуры, имеющие большое этноразличительное значение, как погребальные и брачные обычаи. Отличался он от соседей и своим антропологическим обликом. Своеобразными были его хозяйственный комплекс и общественный уклад. Словом, населению Арианы были присущи все признаки, необходимые для того, чтобы считать его отдельным народом. Народ Арианы создал в глубокой древности могущественные государства. Таким было сначала царство древних каем Усадана и Хусравы с центром в низовьях реки Хильменд и в районе озера Хамун (IX - VIII вв. до н. э.), а затем царство кави Виштаспы и его преемников с центром в оазисе Балха (VII - VI вв. до н. э.). Здесь нужно искать и родину, и место признания пророка Заратуштры (Зороастра). В поисках родины зороастризма за последние десятилетия было выдвинуто немало различных гипотез, порой совершенно фантастических. Но самым правильным, мне кажется, было бы просто, не мудрствуя лукаво, следовать наиболее древней и достоверной традиции,

согласно которой признание пророка имело место при дворе кави Виштаспы в Балхе в VII в. до н. э., тем более что для принятия данных этой традиции нет никаких препятствий. Что же касается другой традиции, переносающей все события, связанные с жизнью пророка, в Атурпатакан (Иранский Азербайджан), то ее искусственность и позднее происхождение, связанное с зороастрийскими храмовыми центрами Атурпатакана позднесасанидского времени, очевидны. Интересно, что и упоминаемые в некоторых источниках места странствий Заратуштры примерно совпадают с территорией Арианы.

Ариана представляла собой совокупность целого ряда стран, каждая из которых являлась большим земледельческим оазисом. Состав списков этих стран в целом в различных источниках совпадает. Страны эти таковы (сначала мы приводим их древнегреческие названия, под которыми они обычно упоминаются в научных работах, затем древнеиранские): Бактриана/Бахтри (область Балха, в широком смысле - территория, которая позднее именовалась Тохаристаном); Согдиана/Сугда (долина Зеравшана, иногда - также и Кашкадарья, порой - еще более обширная территория); Маргиана/Маргуш (область Мерва); Арея/Харайва (область Герата и бассейн Герируда-Теджена); Дрангиана/Зранка, или Хайтумант (область Зеренджа в низовьях Хильменда у озера Хамун); Арахосия/Харахвати (область Кандагара, к ней же тяготели области Газни и Буста); Паропамис/Параупарисайна (Загиндукуше, область Кабула). Особое место в пределах этой обширной территории занимала страна Арьяна-Вайджа на реке Вахви-Датъя, считавшаяся древнейшим местом обитания арьев и деятельности Заратуштры. Если точно следовать указаниям источников, то эту страну нужно поместить в бассейн верхнего течения Амударьи, примерно в те же места, которые позднее назывались Бактрией в широком смысле, а еще позднее - Тохаристаном. Однако часто встречается утверждение, будто Арьяна-Вайджа - не что иное, как Хорезм. Отождествление это основано на домыслах, но все еще повторяется из работы в работу. Можно отметить также, что население расположенных к югу от Гиндукуша территорий, особенно какая-то часть жителей Арахосии, по ряду этнических признаков отличалось от населения областей к северу от хребта. Территория эта не оставалась неизменной. Когда тому благоприятствовали условия, древние земледельцы Арианы колонизовали соседние области, пригодные для земледелия. Кажется вероятным, что именно таким путем распространилась чувская культура в Фергане. Если об обстоятельствах распространения этой культуры мы можем судить только по археологическим данным, то о появлении архаической культуры в Хорезме в результате земледельческой колонизации можно заключить и по археологическим, и по литературным источникам, в том числе по историческим преданиям самих хорезмийцев. Колонизация шла и в южном направлении, о чем свидетельствуют археологические находки в Пираке (Белуджистан); похоже, что ко второй половине ахеменидского периода она достигла побережья Аравийского моря, о чем говорит появление там народа оритов - возможно, колонистов из Арахосии. Мощный колонизационный поток шел и в восточном направлении, в соседнюю индийскую область Гандхара, в том числе и в заиндскую ее часть. Об этом говорят и археологические, и письменные источники, а отголоски соответствующих событий можно найти в эпической традиции - как иранской, так и индийской. Вопрос о колонизации со стороны авестийских арьев подводит нас к проблеме магов. О происхождении магов написано очень много. В источниках они обычно выступают как жрецы зороастрийской религии среди персов и мидян. Но в самых ранних источниках заметно также и отношение к ним как к особой этнической общности. Именно в последнем качестве их характеризовали брачные и погребальные обычаи, благодаря которым они резко выделялись среди окружающего западноиранского населения. И эти же обычаи (которые, конечно, не были просто придуманы Зороастром) свойственны авестийским арьям. Может быть, западные иранцы первоначально называли "магами" колонистов из Арианы, обосновавшихся на первых порах в мидийской области Рага (Рей) и близлежащих горных местностях? Именно в

силу их этнической близости авестийским арьям они и восприняли учение Зороастра ранее других в Западном Иране.

Особая проблема - это проблема языка авестийских арьев. Казалось бы, вопрос ясен: их языком, прежде всего языком бактрийцев, среди которых, как уже указывалось, согласно древней традиции, и создавалось первоначальное ядро Авесты, должен быть авестийский язык. Действительно, в европейской науке еще в прошлом веке термины "древнебактрийский" и "авестийский" в применении к языку были синонимами. Под влиянием гиперкритического отношения к древней традиции о родине зороастризма от названия "древнебактрийский" со временем отошли, а с утверждением упомянутой выше хорезмийской гипотезы авестийский язык стали считать языком только древнего Хорезма, Мерва или Герата, хотя никаких оснований для такой его локализации, кроме самой хорезмийской гипотезы, не было и нет. К этому добавилось определение языка кушанских надписей как бактрийского, предложенное В.Б.Хеннингом и воспринятое затем под его влиянием почти всеми иранистами. Между тем никаких свидетельств о бытовании этого языка в Бактрии до прихода туда тохаров нет, не говоря уже вообще о малой вероятности того, что восточноиранский, т. е. скифский по происхождению, язык, используемый Кушанами в своих монументальных надписях, был языком местного, покоренного ими населения. Гораздо более вероятным кажется, что язык Авесты относился к диалектам, распространенным по всей Ариане. Они занимали промежуточное положение между западно- и восточноиранскими языками, хотя в целом, видимо, были ближе к первым. В источниках имеются прямые указания, относящиеся к докушанской эпохе, на почти полную одноязычность всей Арианы, включая Бактрию и Согд, а также части Мидии и Персии. Археология свидетельствует о культурном единстве всей Арианы, при котором тоже трудно допустить, что языки ее народов развивались в разных направлениях. Надо думать, что лишь после скифского нашествия последних веков до н.э. в отдельных, и прежде всего периферийных, областях Арианы - Согде, Хорезме и Дрангиане (Сакастане) - постепенно утвердились восточноиранские наречия, видимо сохранившие некоторые "авестийские" черты в качестве субстрата.

Обычно считается, что авестийский язык не оставил после себя прямых потомков. Но на территории, где некогда жили авестийские арьи, доныне сохранились реликтовые языки ормури и парачи, занимающие такую же неопределенную позицию между западно- и восточноиранскими языками, как и авестийский. О происхождении их было высказано несколько предположений, из которых более соблазнительным кажется следующее: эти два языка являются остатками обширной языковой общности, коренных представителей которой индийские источники докушанской эпохи называли камбоджами. Территориально эта область совпадала как раз с южной, загиндукушской, частью земель авестийских арьев. Правда, специальных связей языков ормури и парачи с авестийским не усматривается, но нужно учитывать громадный временной промежуток между зафиксированным временем существования этих языков, а также весьма вероятную возможность того, что кроме известных нам авестийских диалектов существовали и другие, например дрангианский и арахосийский; развитием последнего и могли быть упомянутые реликтовые языки Загиндукушья. Именно в авестийских арьях, как кажется, и нужно видеть, при всех оговорках, ближайших предков таджикского народа. Деятельный анализ обнаружил бы, конечно, и массу других нитей, кроме территориального совпадения, связывающих два этих этноса. Отметим только одно обстоятельство, относящееся к области этнического самосознания: исторический эпос, запечатленный в великой поэме Фирдоуси, существовал в древнейших своих формах уже у авестийских арьев, в среде которых он и зародился. На протяжении всего своего существования народы Арианы вступали в тесные контакты с другими народами. Эти контакты усиливались, когда народы Арианы вовлекались в мировые политические системы - сначала в Ахеменидскую державу, затем в державу Александра Македонского, государство Селевкидов и Греко-Бактрийское царство. На территории Арианы появлялись и западные иранцы - персы и мидяне, и восточные - скифские народы, а также индийцы и греки. В свою очередь, представители народов

Арианы в качестве воинов персидской, македонской и эллинистических армий, военных колонистов и т. д. побывали и даже селились в Передней и Малой Азии, Египте, Греции, Индии.

Особенно тесными были связи народов Арианы с восточными греками, закончившиеся своего рода симбиозом их этносов, по крайней мере частичным. Как ни странно на первый взгляд, влияние эллинской культуры на местную и взаимопроникновение этих культур здесь оказалось более глубоким и прочным, чем в Западном Иране, ближе расположенном к Греции. Возможно, это объясняется тем, что Ариана не только вошла в состав эллинистического мира, но и на ее территории, в Бактрии, находился центр одного из могущественнейших эллинистических государств - Греко-Бактрийского царства. Первые греческие поселения - правда, незначительные - появились в Бактрии и Согде еще в Ахеменидскую эпоху (VI - IV вв. до н. э.): древние персидские цари имели обыкновение переселять своих подданных, в чем-то провинившихся или, наоборот, искавших у них защиту, из одного конца своей державы в другой. Массовый наплыв греческого и вообще европейского населения в Ариану начался с походов Александра (в Ариане - с 330 по 327 гг. до н. э.). Пришедшие с ним воины оставались в местных центрах в качестве гарнизонов, заселяли основываемые города и военные поселения. Новые города, обретавшие статус классического греческого полиса, продолжали основываться и при Селевкидах (конец IV-III вв. до н.э.), и в Греко-Бактрийском царстве (III - II вв. до н.э.). Некоторое представление о количестве новоприбывшего населения могут дать следующие цифры. Александр, направляясь в Индию; оставил в одной только Бактрии 13 тыс. воинов, а восставшие после смерти Александра греческие колонисты "верхних сатрапий", т.е. в основном Арианы, смогли выставить 23 тыс. воинов. Греки продолжали прибывать сюда из метрополии и позднее, причем это были не только воины-наемники. Естественно, что все это не могло не отразиться и на состоянии материальной культуры. Новые города основывались в соответствии с принципами греческого градостроительства, многие старые перестраивались, новые черты приобретала фортификация, изменилась и развивалась ремесленная техника, явно греческие черты приобретало даже такое массовое производство, как гончарное, развивалась техника ирригации и т. д. Синтез греческого и местного искусства привел к формированию нового стиля - греко-бактрийского. Широкое распространение получил греческий язык: - бактриец сопровождает свой дар местному божеству Амударьи посвящением на греческом языке, а само божество изображено им в соответствии с греческими представлениями; индийский царь Ашока (III в. до н.э.), обращаясь с указом к населению Арахосии, пишет его на греческом языке. Греческий язык сохранялся в быту даже местного, не греческого населения и после падения Греко-Бактрийского царства: так, один местный житель древнего селения в долине Явана (I в. до н. э.) надписывает принадлежащий ему сосуд по-гречески.

Как протекал процесс эллинизации на территории Арианы, какова была позиция местного населения по отношению к эллинской культуре? Об успехе процесса в целом свидетельствуют сами его масштабы, но по вопросу о том, встречала ли эллинизация также и негативное отношение в местной среде, существуют разные мнения. Представляется, что отрицать возможность такого отношения все же нельзя. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее. С одной стороны, в античных источниках сообщается, что "благодаря Александру Бактра и Кавказ (т.е. область Гиндукуша. - И. П.) поклоняются эллинским богам", а дети персов и других восточных народов хорошо знают греческий театр, "распевая трагедии Эврипида и Софокла", и что то ли сам Александр, то ли его бактрийский сатрап (грек) запретил принятые у бактрийцев обычаи, связанные с переходом стариков в мир иной. С другой стороны, зороастрийская традиция, в том числе и местная, сакастанская, сохранила следы чрезвычайно враждебного отношения к Александру как к разрушителю древних религиозных святынь и заветов. Тут перед нами, видимо, отзвуки какого-то активного антагонизма между эллинизмом и приверженцами местной традиционной культуры, антагонизма, вспыхивавшего и в других местах эллинистического мира и хорошо

засвидетельствованного источниками, прежде всего для Палестины времен Маккавеев. Очень любопытны совпадения деталей в событиях, происходивших в удаленных друг от друга местах в одно и то же время (II в. до н. э.): в древнем бактрийском городе, развалины которого исследовали французские археологи, местные жители, бактрийцы, старательно разбивают греческую статую Зевса, воздвигнутую в негреческом храме, пустеют гимнасий и театр, на площади бактрийцы демонстративно совершают те самые обряды, которые когда-то запрещал Александр; в то же самое время в Палестине ликвидируют культ Зевса в Иерусалимском храме, а отношение к занятиям в палестре и театру определяет вообще культурную ориентацию человека.

Отношение к эллинской культуре, как показывают переднеазиатские примеры, было тесно связано с социальным положением: верхи местного общества охотно и легко приобщались к эллинскому образу жизни, низы упорно сохраняли верность древним традициям. Есть основания предполагать, что такая же ситуация сложилась и в странах Арианы.

Каково было отношение к эллинской культуре скифских завоевателей, вторгшихся на территорию Арианы в последних веках до н.э.? Предположение о том, что скифы как этнические иранцы испытывали солидарность по отношению к коренному, бактрийскому населению в противовес грекам, в принципе кажется маловероятным. Скорее, наоборот, кочевая знать довольно быстро слилась с эллинским и эллинизированным населением, т.е. с элитой местного общества. Об этом свидетельствует и то, что скифские вожди в Бактрии с самого начала активно воспринимали и использовали достижения античной культуры, и то, что позднее даже в погребальной обрядности наблюдается слияние степных традиций с греческими. В этом плане можно рассматривать и факт использования кушанскими царями греческого алфавита для составления текстов на своем языке. О значительности эллинского этнического компонента свидетельствуют устойчивые, древние и широко распространенные в Средней Азии, особенно в восточной, горной ее части, предания о греках как далеких предках той или иной группы населения.

Итак, авестийский народ, племена Арианы - первая, самая близкая к нам по времени, ступень в предыстории таджикского народа. Древнеиранский авестийский язык, при всей его архаичности, представляет собой все же отдельный иранский язык. Спустившись в глубь времен еще на одну ступень, мы сталкиваемся с протоиранским языком, послужившим общим предком для всех более поздних иранских языков, а также с другими индоиранскими языками, столь же или еще более древними. Носителей всех этих языков условимся называть древнейшими арьями, так как все древние индоиранские народы действительно именовали себя арьями. Прямых исторических свидетельств о древнейших арьях, исходящих от их современников, до нас не дошло. Но методом лингвистической реконструкции, позволяющей в какой-то мере восстановить протоиранский и протоиндоиранский языки, в частности их лексику, а также путем тщательного изучения общего культурного фонда разных индоиранских народов в области как духовной, так и материальной культуры удается немало узнать об этих арьях. Здесь невозможно дать общую картину жизни древнейших арьев, но основные факты таковы: они обитали значительно севернее, чем их потомки в Иране и Индии, и контактировали с предками армян, греков, славян, балтов и угро-финнов; знали медь и бронзу; занимались скотоводством (особенно коневодством) и земледелием, причем первое всегда преобладало; вели достаточно подвижный образ жизни, в некоторых случаях, возможно, даже кочевой; имели довольно сложные космологические и космогонические представления, а также несколько вариантов этногенетических легенд и мифо-географических схем.

Древнейшие арьи обитали в обширной полосе евразийских степей от Причерноморья до Казахстана и, может быть, еще восточнее, т. е. в местах, где и много позднее, уже в исторические времена, жили ираноязычные скифо-сарматские народы. Отсюда они и расселялись последовательными волнами на юг; удачным кажется предположение, что уже древнейшие арьи двигались, по крайней мере, двумя

волнами, из которых поздняя частично перекрыла более раннюю. Считается, что распад общеарийского единства относится примерно к рубежу III и II тыс. до н.э., общеиранского - примерно к середине II тыс. до н.э., а восточноиранского - к рубежу II и I тыс. до н. э.

Общей иллюстрацией к процессу расселения древнейших арьев на юг может служить предание о Йиме (Яме), который почитался в качестве прародителя всеми древними индоиранскими народами. В нем повествуется, как этот славный герой трижды, через определенные промежутки времени, расширял землю в южном направлении, в полуденную сторону, когда она переполнялась "мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными огнями пылающими".

Какова была связь интересующих нас авестийских арьев с их прямыми предками, древнейшими или протоиранскими арьями? В поздней зороастрийской литературе неоднократно выступает некая мифо-географическая схема, восходящая, несомненно, к древним авестийским текстам: центральный каршвар Хванирата (по наиболее удачному толкованию, "[страна] добрых колесниц"), где обитают арьи, ограничен с двух сторон могучими реками по имени Раха и Вахви-Датъя, текущими с окружающей землю мировой горы Хара в срединное море Вору карта, а между ними текут по каршвару еще 18 других рек. Схема эта являет собой не что иное, как вариант известных скифских мифо-географических представлений о панораме Северного Причерноморья. В совокупности они отражают, видимо, общеиранскую мифо-географическую модель страны обитания. Данное представление о стране Хванирата фиксирует иную схему, нежели представление о стране Арьяна-Вайджа, где река Вахви-Датъя находится как бы в центре мироздания. Схема эта, скорее всего, более древняя: в то время как Арьяна-Вайджа - прародина только авестийских арьев, Хванирата в данном случае - прародина общеиранская. Если так, то эта последняя располагалась в степных просторах между Волгой (Раха) и Амударьей (Вахви-Датъя). Отсутствие гор в истоках Волги не должно смущать: мировая гора Хара - чисто мифический образ, выполняющий роль окраины "земного круга" в мифологической географии.

Археологические данные вполне соответствуют такой картине. Эти данные относятся прежде всего к западным вариантам андроновской культурной общности. Самый ранний из них, представленный яркой и самобытной петровской культурой (XVII - XVI вв. до н.э.), ограничивается в основном степями Западного Казахстана и Южного Урала. Следующий, в лице алакульской культуры (XV - XIII вв. до н.э.), вырастающей из петровской, широко распространяется и в Средней Азии: памятники его находят в районе Ташкента, в долине Зеравшана, в Фергане и т. д.; вбирая по пути элементы соседней срубной культуры, этот вариант создавал смешанные типы, например, тазабагыбская культура (XV - XI вв. до н. э.) в низовьях Амударьи. Надо думать, что в памятниках всех этих культур и в их распространении на юг и запечатлена история протоиранских арьев Хванираты, страны колесниц: не случайно колесницы сопровождали носителей петровской и раннеалакульской культур даже на тот свет, составляя характернейшую принадлежность их погребальных сооружений.

Несомненно, эти арьи внесли основной вклад в формирование этноса авестийских арьев. Но археологически проследить данный процесс пока еще затруднительно. Известно лишь, что памятники завершающей фазы (XII - IX вв. до н. э.) упомянутых культур степных арьев находят уже непосредственно на территории земледельческих оазисов Средней Азии и Ирана, где они относятся к периоду, переходному от старых земледельческих культур к новым, в частности к язовским комплексам авестийских арьев. В то же время большинство археологов согласны с тем, что в сложении этих последних памятников, свидетельствующих об определенной архаизации и варваризации общества, на первых порах принимал участие степной компонент.

В самих же степях андроновские племена к концу II тыс. до н. э. были потеснены носителями карасукской культуры, пришедшими, по всей вероятности, из глубины Центральной Азии. В результате слияния андроновских и карасукских элементов в степях Казахстана и Средней Азии возникли новые культуры, такие, например, как

бегазы-дандыбаевская. В плане этнической истории эти события можно было бы истолковать как наложение какого-то центральноазиатского, неиндоиранского и вообще неиндоевропейского суперстрата на протоиранскую основу. Процесс этот сопровождался в конце II и первой половине I тыс. до н. э. распространением далеко на запад некоторых дальневосточных элементов культуры и монголоидного расового типа. Но в конечном итоге местный иранский элемент все же возобладал. Учитывая критерии места и времени, здесь можно было бы видеть, мне кажется, процесс сложения восточноиранской, скифской в широком смысле, этнической общности. Одними из первых известных истории представителей этой общности были воспетые в иранском эпосе туры, постоянные противники авестийских арьев. Заметим, что имена их предводителей не всегда поддаются истолкованию из иранских языков. Позднее-эту же общность представляют упомянутые выше саки, тохары и другие племена, уже бесспорно ираноязычные.

Древнейшие арьи иранской группы находились в тесном взаимодействии с арьями индийской группы. Давно уже признано, что широко распространенные в индийской мифологии сказания о борьбе дэвов со своими старшими братьями, асурами, отражают взаимоотношения предков индийцев с предками иранцев. В разделении самих асуров на две группы - дайтьев и данавов, потомков речных богинь Дити и Дану, - тоже легко просматривается историческая основа. У каждого древнего иранского народа существовала своя этногенетическая легенда, в которой он был представлен потомком героя-прародителя и духа (всегда являвшегося в женском облике) главной реки в стране обитания данного народа. В упомянутом случае подразумеваются, видимо, духи рек Вахви, т.е. "Доброй" - Да[й]тьи (Амударья), и Данавы (Танаис - у греков, Сырдарья - в данном контексте). А под дайтьями и данавами имеются в виду, надо думать, первые иранские племена, осевшие в бассейнах Амударья и Сырдарья в конце II тыс. до н.э. Замечу также, что в современной этим племенам Ригведе асуры упоминаются как вполне реальные и конкретные недруги.

Интересно, что часто упоминаемые в индийской мифологии потомки некоего героя Бхригу, связанные с асурами, в Ригведе тоже фигурируют как реальное племя. Из других источников известно, что бригами именовались фригийцы в древнейшие времена, еще до переселения их из Европы в Малую Азию (в конце II тыс. до н. э.). А лингвистические данные свидетельствуют о тесных контактах древнейших арьев с предками фригийско-фракийских племен, в которых есть основания видеть носителей срубной культуры степей Поволжья и Северного Причерноморья. "Срубники" активно участвовали вместе с западными "андроновцами", т. е. древнейшими иранскими арьями, в заселении Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. Отсюда какие-то племена бригов могли попасть и к индийским арьям. Там потомки Бхригу стали основателями нескольких почитаемых родов брахманов, знатоков древних обрядов. Так становится понятным удивительный факт специфических протоармянско-индоарийских связей в области сакральной, жреческой поэзии. Ученые справедливо полагают, что эти связи могли осуществляться только через степной пояс в середине II тыс. до н. э. Так совокупность всех источников позволяет предположить участие еще одного элемента в этнической истории Средней Азии.

Где же обитали сами ведийские арьи, создатели Ригведы? Общепризнанно, что основной их территорией был Пенджаб, на востоке - долина Джамны, на западе - долины правых притоков Инда, а именно: Кабула, Куррама и Гумалья. Но проблему представляет локализация страны Брахмаварты с ее реками Сарасвати и Дришадвати - древнего местообитания главных ведийских племен, таких, как бхарата и пуру. Обычно ее пытаются поместить к востоку от Инда, но такая локализация наталкивается на ряд затруднений. В то же время давно уже замечено, что "Сарасвати" имеет прямое соответствие в иранском "Харахвати", т.е. в названии страны Арахосии и ее реки (Аргендаб). Имеет соответствие в ономастике этих же мест и название другой реки - "Дришадвати". А упоминание в Ригведе о разных событиях из истории ведийских племен полны названий, которые легко ассоциируются с

различными местами южной. части будущей Арианы; например, река "Сарайду" и иранское "Харайва", т. е. название страны Ареи и ее реки (Герируд). Все это подводит к заключению, что, по крайней мере, на территории более поздних Дрангианы и Арахосии и еще более позднего Сеистана во второй половине II тыс. до н. э. обитали ведийские арьи.

В археологическом плане ранние индийские арьи хорошо увязываются с культурой серой расписной керамики, распространенной в Восточном Пенджабе и бассейне Верхнего Ганга в XI - VI вв. до н.э. Носители ее являются наследниками древнейших ведийских арьев Ригведы. Этим же последним надо связывать, скорее всего, с культурой гандхарских могильников, памятники которой обнаружены по правым притокам Инда и в Западном Пенджабе и относятся ко второй половине II тыс. до н. э. Что же касается ведийских арьев Брахмаварты, то их можно связать с культурой У слоя Мундигака, в области Кандагара, датируемой приблизительно серединой II тыс. до н. э. Она резко отличалась от культуры предшествующих слоев и сменилась другой, явно входившей в круг язвских культур, т. е. культур авестийских арьев.

Очевидно, ведийские арьи были рано вытеснены из Дрангианы и Арахосии, хотя в последней и позже сохранялся значительный индийский элемент. Если же считать остатком ведийских арьев дардскую группу индоарийских народов, то получится, что в настоящее время прямые потомки этих арьев обитают не западнее бассейна реки Кабул, где расселены небольшими островками дардские народности - пашаи и тирахи. О степных истоках ведийских арьев прямых указаний в источниках нет. Может быть, намеком на пребывание их предков в степях являются сказания о совершенном в очень давние времена походе дэвов к далекой реке Раса (соответствующей Раха иранских текстов), расположенной за пределами мира дэвов, и асуров. Возможно, что под рекой Раса имеется в виду Волга. Археологическая связь ведийских арьев со степными культурами Средней Азии как будто намечается, но она очень неопределенна. Между тем в степном поясе археологами давно уже выявлена культура, которая, судя по отдельным ее чертам, и особенно по характеру погребального обряда, вполне может претендовать на роль культуры древнейших индийских арьев. Это - восточный вариант андроновской культурной общности, а точнее, федоровская культура. Если связь ее с ведийскими арьями не установлена, то по поводу отношения ее ко второй волне индийских арьев можно сделать кое-какие наблюдения.

Много раз дискутировавшийся вопрос о второй волне вторжения индоарийских народов в Индию сводится к следующему: примерно на рубеже II и I тыс. до н. э. от Памирского горного региона через Гилгит и Читрал в Центральную Индию хлынула новая волна индийских арьев, которые частично нахлопнулись на более древние ведийские племена индийских арьев, частично оттеснили их к горам. Новые племена иногда называют эпическими арьями, так как именно они выступают в главных ролях в древнеиндийском эпосе. Первым среди них было племя куру. По археологическим данным известно, что в последние века II тыс. до н. э. памятники федоровской культуры продвигаются все далее к югу: в Семиречье и долины Тянь-Шаня, в области правых притоков Амударьи, на Памир. Влияние этой культуры заметно и на памятниках местных землевладельцев. Возникает вопрос, не является ли указанный процесс археологическим выражением событий, связанных с продвижением на юг второй волны индийских арьев?

Но кроме иранской и двух индийских инвазий древнейших арьев есть основания предполагать еще одну индоиранскую волну на юг, предшествовавшую всем другим и принесшую, как уже говорилось, этнический слой, послуживший субстратом при последующих вторжениях. Этот слой выявляется благодаря пережиточным, очень ранним элементам в культуре древних иранских народов - не иранским по происхождению, а индоиранским - и благодаря появлению в Передней Азии следов какого-то индоиранского языка, принесенных неиндоиранцами - касситами (с XVIII в. до н. э.) и хурритами (XVI - XIII вв. до н. э.), - языка, тоже явно не иранского, но и не

безусловно индоарийского. Очевидно, какая-то группа древнейших арьев на рубеже III и II тыс. до н. э., отделившись от общеиндоиранского единства, стала продвигаться к югу, в те места, где их сменили впоследствии иранские и индийские арьи, принесенные последующими волнами, т.е. в Среднюю Азию, Иран и, может быть, в Индию, вступив на западе Иранского нагорья в контакт с касситами и хурритами.

Может ли такая реконструкция найти подтверждение в археологическом материале? В каспийских и причерноморских степях в конце III - начале II тыс. до н.э. обитали племена катакомбной культуры, которые по ряду признаков могли быть индоиранскими. Судя по тому, что к началу II тыс. до н. э. памятники, близкие катакомбным, стали распространяться далеко на юг, племена, их создавшие, расселялись в том же направлении: так появилась заманбабинская культура в долине Зеравшана и, видимо, еще южнее, в Афганистане.

Ко второй четверти II тыс. до н. э. катакомбная культура в степях исчезает (ре частично заменили здесь андроновские памятники, о которых говорилось выше), но зато в то же время происходят большие изменения в культуре земледельческих оазисов Средней Азии: прежняя высокоразвитая протогородская цивилизация исчезает, а на смену ей приходят иные, более архаичные на первых порах, культуры круга Намазга VI, которые охватывают новые территории (например, культура Сапалли и Дашлы в бассейне Амударьи). Они сочетают традиции более древних землевладельческих культур с инновациями, привнесенными, видимо, из степей, каковы прежде всего погребальные обряды. Другие племена - потомки катакомбников продолжали вести в Средней Азии прежний, степной, пастушеский образ жизни. Они, очевидно, и оставили памятники вахшской культуры.

Потомки индоиранцев этой первой, самой древней, волны оставили свой след и в дальнейшей истории Средней Азии и соседних территорий. С одной стороны, важные элементы связывают культуру Дашлы с нуристанскими кафирами нового времени. С другой - признаки весьма специфического похоронного обряда, свойственного тем же кафирам и засвидетельствованного у их предков еще во времена Александра Македонского, обнаруживают памятники бишкентской культуры, близкой вахшской и имеющей черты преемственной связи с более древней, заманбабинской культурой. Вполне возможно, что последним остатком древнейших арьев первой волны и являются кафиры, сохранившие много древних черт в своей культуре и в языке, который лингвисты, признавая его индоиранский характер, не могут, тем не менее, отнести ни к иранской, ни к индийской ветвям. Бывшие кафиры Нуристана, ныне обитающие только по южным склонам Гиндукуша, еще в средние века занимали значительно большие территории: полагают, например, что родственные им племена составляли население Гура в домонгольское время.

Итак, мы спустились до времен самых первых из древнейших арьев, осевших в Средней Азии. Можно ли заглянуть еще глубже в толщу времен? Да, тщательное, научно обоснованное комбинирование языковых данных с археологическими и этнографическими позволяет это сделать. Но, опустившись в глубины истории еще на одну ступень, мы увидим уже иной, доиндоевропейский мир со своими чертами общественного строя и духовной культуры.

В науке сейчас принято считать, что в земледельческой зоне Средней Азии предшественники индоиранцев были народы дравидийского корня. Одни из первых земледельцев Средневосточного региона, они жили отдельными общинами, сосредоточенными вокруг более или менее крупного селения, которое являлось и их культовым центром - местом почитания прародительницы общины, Богини-Матери. Судя по тому, что дравидийские языки обнаруживают отдаленное родство с эламским, на котором в глубокой древности говорило автохтонное население Юго-Западного Ирана, дравидийские племена двигались в Среднюю Азию с запада, из Ирана. Древнейший период в истории этих племен - общий протодравидийский - относится к V - IV тыс. до н. э. Всем этим условиям хорошо удовлетворяет анауская культура Южного Туркменистана, носители которой, очевидно, и являлись восточным форпостом древнейших протодравидийских племен.

Примерно на рубеже IV и III тыс. до н. э. происходит разделение протодравидийских племен на западные и восточные (индийские), что предполагает широкое расселение их на восток. Действительно, как установили археологи, именно в конце IV - начале III тыс. до н. э. памятники геоксюрского варианта анауской культуры (эпохи Намазга III) из долины Теджена распространяются на огромные пространства от долины Зеравшана (культура Саразма) до Сеистана и Белуджистана, и факт этот можно объяснить только расселением племен, создавших такие памятники; возможно, что тогда же эти племена через Белуджистан дошли и до Индии. Следующая крупная веха в истории протодравидийских племен - разделение их на две группы уже в пределах Индии примерно в середине III тыс. до н.э., - видимо, связана с началом формирования хараппской культуры, процветавшей в долине Инда в конце III - начале II тыс. до н.э., а распад основной из этих групп в начале II тыс. до н.э. и первые этапы формирования современных дравидийских народов Декана - с гибелью хараппской цивилизации и формированием энеолитических культур Центральной Индии. Таким образом, дравидийская принадлежность носителей земледельческих культур Средней Азии, Сеистана и Белуджистана III - начала II тыс. до н. э. весьма вероятно, поскольку процессы засвидетельствованные лингвистическими данными, с одной стороны, и археологическими данными - с другой, совпадают по месту, времени и содержанию, а для хараппской цивилизации - бесспорно. Однако необходимо учитывать, что народы, создавшие эти культуры, мало походили на современных дравидов Индии и не являлись их прямыми предками. Поэтому предпочтительнее называть их протодравидийскими. Вообще, смена этноса еще не означает поголовной смены населения. Как показывают костные останки людей того времени, физический тип населения Средней Азии со сменой этноса не изменился: и до, и после того здесь жили люди средиземноморского варианта европейской расы. Это значит, что арийских пришельцев численно было немного и физически они быстро растворились среди местного населения. И не только физический тип не изменился: продолжались древние традиции в земледелии, в гончарном ремесле и т. п., так как степняки-арьи не могли привнести в эти виды деятельности что-то свое, особенное. Но в области языка, общественного устройства, идеологии и обрядности, т. е. в том, что определяет этнос, приход арьев принес коренные изменения.

В доарийский период своей истории отдельные протодравидийские народы образовывали мощные объединения, о характере которых пока судить трудно. Такова страна Аратта, часто упоминаемая в шумерских сказаниях, складывавшихся примерно в середине III тыс. до н. э., но повествовавших о событиях начала этого тысячелетия. В них прославлялись подвиги древнего царя шумерского города Урука, при котором из Аратты доставлялись в Шумер разные товары. Относительно локализации этой страны среди ученых нет согласия, но наиболее убедительным кажется предложение считать центром Аратты древнее селение, от которого осталось огромное городище Шахри-Сохте в Сеистане. Если это так, то, принимая во внимание археологические материалы, нужно признать, что жители Аратты, будучи, по-видимому, потомками геоксюрцев, оказывали влияние на северные поселения, в том числе и на Саразм, в начале и середине III тыс. до н. э., организуя фактории по добыче и доставке тех минералов, которые затем попадали, в частности, и в Шумер.

Другое древнее объединение, название которого, к сожалению, до нас не дошло, сосредоточивалось вокруг центров, оставивших городища Намазга-депе и Алтып-депе в Южном Туркменистане. Население его, прямые потомки геоксюрцев и их соседей в предгорьях Копет-дага, достигло пика своего развития в конце III - начале II тыс. до н.э. (в эпоху Намазга V), формируя собственную протогородскую цивилизацию, дальнейшее развитие которой, однако, внезапно оборвалось.

В то же самое время на востоке Средней Азии, в бассейне Амударьи, процветали колонии (одна из них находилась на месте городища Шортугай), основанные выходцами из еще одного мощного объединения, представленного вполне уже сформировавшейся, высокоразвитой Индской цивилизацией (хараппская культура). Шумерские тексты, сообщая о стране Мелухха, донесли до нас сведения о ней. Но и

эта цивилизация со всеми ее колониями прекращает существование в начале II тыс. до н. э.

Дравидийское население продолжало жить на территории Средней Азии и Иранского нагорья и после прихода арьев. Но оно или ассимилировалось индоиранцами, или оттеснялось в горы. Еще в средние века в горных местностях, преимущественно на юге Иранского плато, сохранялись отдельные островки дравидоязычного населения. К настоящему времени от иранских дравидов осталась лишь небольшая народность брагуев в Белуджистане, постепенно ассимилируемая белуджами.

Но протодравидийские народы были не единственным доарийским населением Средней Азии. Наряду с ними существовали еще два крупных этнических массива. В западной, равнинной части Средней Азии, тогда значительно более увлажненной, чем теперь, по берегам озер и в дельтах рек жили рыболовы и охотники кельтеминарской культуры (IV - III тыс. до н. э.). Они образовывали своего рода крайний южный клин обширного мира таких же рыболовов и охотников, обитавших на просторах Западного Казахстана, Урала и Зауралья. Именно они имели возможность вступать в непосредственные контакты с миром древних земледельцев Средней Азии, с создателями анауской культуры.

Все это подводит к мысли, что в таких условиях и могли осуществляться давно уже подмеченные лингвистами очень древние языковые связи финно-угорских народов с дравидами. Отсюда, конечно, не следует, что кельтеминарцы являлись прямыми предками финно-угров, - они, скорее, были лишь одной из групп протоуральских племен, оказавшейся посредником между той группой протоуральцев, которая действительно дала начало финно-угорским народам и обитала, вероятнее всего, где-то в Западной Сибири, и протодравидами-анаусцами. Известно, что угорские племена еще и в исторической древности жили в лесостепях Урала и Западной Сибири. Так объясняется удивительная связь между народами, которые ныне удалены на огромные расстояния друг от друга, занимая крайний север и крайний юг Азиатского континента.

В восточной, горной части Средней Азии обитали племена очень архаичной гиссарской культуры. Истоки ее уходят в глубь тысячелетий, а на последних этапах существования (III - II тыс. до н. э.) она непосредственно смыкается с земледельческими культурами Саразма, Сапалли и степными культурами поздней бронзы, частично, может быть, сосуществуя с ними. В то же время гиссарцы были лишь частью целого мира горных племен обширного Гиндукушко-Памирского региона, включая Кашмир на юге; на отдельных этапах своей истории эти племена могли занимать и прилегающие к горам равнины.

Горные племена указанного региона, по всей вероятности, представляли собой отдельную, древнейшую гиндукушко-памирскую этническую общность. Базировалась она на общности быта этих племен - быта охотников на горного козла, может быть, с зачатками скотоводства. Но по мере перехода их, под влиянием соседей, к производящим формам хозяйства сокращался и ареал данной общности, происходила ее постепенная "арианизация". Проследить этот процесс можно по археологическим и, в какой-то мере, письменным источникам: так, есть основания предполагать, что еще во второй половине I тыс. до н. э. некоторые племена Гиндукушко-Памирского региона под внешним обликом своей культуры сохраняли прямую связь с указанной древней общностью. К настоящему времени прямые ее наследники остались лишь в самом сердце региона - в узких горных долинах Хунзы и Ясина, в лице маленького народа буришков, язык которых занимает совершенно изолированное положение среди языков мира. С другой стороны, многие загадочные явления очень древнего происхождения в области культуры и языка разных народов Гиндукушко-Памирского региона, может быть, являются субстратными следами все той же этнической общности. И не только данного региона, такое же субстратное происхождение могли иметь некоторые черты, в частности в сфере обрядности, свойственные культурам Сапалли-Дашлы и, особенно, язовским культурам.

Итак, в самой глубокой древности, с того времени, когда уже начинают вырисовываться контуры каких-то этнических общностей, на территории формирования таджикского народа можно выделить три этнических массива: гиндукушский - горных охотников, протоуральский - равнинных рыбаков и охотников, протодравидийский - древних земледельцев, шаг за шагом осваивавших оазисы. В конце III - начале II тыс. до н.э. в степи Средней Азии с севера впервые проникают арии - воинственные скотоводы, говорившие на языке индоиранской группы индоевропейской семьи языков. Вскоре, в начале II тыс. до н.э., они проникают и в оазисы, что приводит к заметному изменению общего облика культуры земледельцев. Возможно, что в это время впервые происходит их "арианизация". То же можно сказать и о древних гиндукушцах и протоуральцах. В середине II тыс. до н. э. в степи Средней Азии хлынула новая волна ариев-скотоводов, на этот раз уже собственно иранцев по языку. К концу II тыс. до н. э. они овладевают оазисами, и в земледельческих областях Средней Азии и Восточного Ирана складывается этническая общность авестийских ариев - по ряду признаков наиболее близкий к таджикам их предок.

На юге и востоке древние иранские арии активно взаимодействовали с индийскими ариями - сначала ведийскими, затем эпическими, истоки истории которых тоже уводят в степи Средней Азии. Важные последствия имело заселение оазисов Средней Азии и Восточного Ирана греческими колонистами после походов Александра Македонского (IV в. до н. э.). Под их влиянием существенно преобразился весь облик 'культуры жителей Арианы, потомков авестийских ариев, хотя как этнос последние и не исчезали. В степях же в конце II - начале I тыс. до н. э. складывается новая общность - восточноиранская. Относящиеся к ней скифские племена, сначала туры, потом саки и др. тоже входят в активное взаимодействие с авестийскими ариями, становясь их главными антагонистами на протяжении I тыс. до н. э. К концу этого тысячелетия скифские племена, среди которых главную роль играют тохары, а позднее - эфталиты, окончательно овладевают оазисами, и в результате значительная часть их населения переходит на восточноиранские языки. Но прямые потомки авестийских ариев продолжали сохраняться. Завершающим моментом в предыстории и одновременно началом собственной истории таджикского народа можно считать распространение языка фарси в Средней Азии и Восточном Иране с середины I тыс. н. э. и особенно интенсивно - в VII - X вв.

Настоящая статья представляет первую попытку нарисовать целостную картину этнической истории древней Средней Азии и, конечно, не претендует ни на исчерпывающую полноту, ни на окончательность выводов. Мы стоим лишь у начала изучения многих важных и интереснейших проблем. Разрешить их помогут в будущем совместные усилия историков, археологов, лингвистов, этнографов и антропологов.

• **

© Журнал "ВОСТОК-ORIENTS", Москва, "Наука", 1995 г., N 6., с. 27. Российская академия наук. Институт востоковедения. Институт Африки, 1995 г.